

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ВВЕДЕНИЕ	14

Часть первая

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Глава первая. ПОМНЯЩАЯ КУЛЬТУРА	29
Предварительные замечания	29
I. Социальное конструирование прошлого: Морис Хальбвакс	35
1. Индивидуальная и коллективная память	36
2. Фигуры воспоминания	38
а) Отнесенность к пространству и времени	39
б) Отнесенность к группе	40
с) Воссоздающий характер	42
3. Память <i>versus</i> история	44
4. Заключение	47
II. Формы коллективной памяти о прошлом:	
Коммуникативная и культурная память	50
1. «The Floating Gap»: два Modi Memorandi	50
2. Обряд и праздник как первичные формы организации культурной памяти	59
3. Ландшафты воспоминания	
«Мнемотоп» Палестина	63
4. Переходные формы	64
а) Память об умерших	64
б) Память и традиция	67
III. Опции культурной памяти о прошлом:	
«горячая» и «холодная» память о прошлом	70
1. Миф о «чувстве истории»	70

2. «Горячая» и «холодная» опции	72
3. Альянс власти и памяти	74
4. Альянс власти и забвения	76
5. Документация — контроль или осмысление истории?	77
6. Абсолютное и относительное прошлое	79
7. «Мифомоторика» памяти о прошлом	83
а) Обосновывающая и контрапрезентная память о прошлом	83
б) Память о прошлом как сопротивление	88
Глава вторая. ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА	93
I. От обрядовой к текстовой когерентности	93
1. Повторение и интерпретация	94
2. Повторение и воскрешение в памяти	96
3. Древние письменные культуры: поток традиции	98
4. Канонизация и интерпретация	100
5. Повторение и варьирование	104
II. Канон — к прояснению понятия	110
1. История значения слова «канон» в античности	110
а) Масштаб, правило, критерий	114
б) Образец, модель	117
с) Правило, норма	118
д) Таблица, перечень	119
2. Дальнейшее развитие значения	122
а) Канон и кодекс	123
б) Освящающий принцип: формула единообразия или автономность	124
с) Освященный набор текстов: канон и классика ..	126
3. Выводы:	130
а) Заострение инвариативности: от точности к святости	130
б) Укрощение вариативности: связывание и обязывание под знаком разума	131
с) Заострение границы: поляризация	133
д) Заострение ценностной перспективы: полагание идентичности	134

Глава третья. **КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ****И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОООБРАЖЕНИЕ** 139

I. Идентичность, сознание, рефлексия 139

1. Личная и коллективная идентичность 139

2. Исходные структуры и интенсифицированные
формы 142

3. Идентичность, коммуникация, культура 149

а) Формы символизации идентичности 149

б) Циркуляция 150

в) Традиция: ритуальная коммуникация
и обрядовая когерентность 153

II. Этногенез как интенсификация исходных

структур коллективной идентичности 154

1. Интеграция и централизация 155

2. Дифференциация и эгалитарность 163

Часть вторая

ЧАСТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предварительные замечания 177

Глава четвертая. **ЕГИПЕТ И ОТКРЫТИЕ****ГОСУДАРСТВА** 181

I. Основные черты египетской письменной культуры 181

1. Мифомоторика интеграции 181

2. «Монументальный дискурс»: письмена власти
и вечности 183

3. Канон и идентичность 189

II. Храм поздней эпохи как «канон» 192

1. Храм и книга 192

2. Номос храма 201

3. Платон и египетский храм 206

Глава пятая. **ИЗРАИЛЬ И ИЗОБРЕТЕНИЕ****РЕЛИГИИ** 213

I. Религия как сопротивление 213

1. Возведение «медной стены»: путь Израиля
и Египта к ортопрактическому отмежеванию 214

2. Исход как фигура воспоминания 217

3. «Движение Единый Яхве» как формирующая память общность воспоминания	217
4. Религия как сопротивление. Возникновение религии из оппозиции (собственной) культуре	222
5. Воскрешение традиции как культурная политика Персии	225
II. Религия как память о прошлом: Второзаконие как парадигма культурной мнемотехники	230
1. Шок забвения. Легенда об основании культурной мнемотехники	233
2. Угроза памяти о прошлом и социальные условия забвения	241
Глава шестая. РОЖДЕНИЕ ИСТОРИИ	
ИЗ ДУХА ПРАВА	247
I. Семиотизация под знаком наказания и спасения	247
1. Iustitia connectiva	250
2. Хеттская историография около 1300 г. до н. э.	254
3. Семиотизация истории под знаком спасения	263
II. Теологизация истории под знаком теологии воли: От «харизматического события» к «харизматической истории»	267
1. Знак и чудо: харизматические события как первая ступень теологизации истории	267
2. Харизматическая история как вторая ступень теологизации истории	270
3. К генеалогии вины	274
Глава седьмая. ГРЕЦИЯ И ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЕ МЫСЛИ	
I. Греция и следствия письменной культуры	279
1. Алфавитная система письма	279
2. Система письма и письменная культура	285
II. Гомер и греческий этногенез	293
1. Героическая эпоха как гомеровская память о прошлом	293
2. Память о Гомере: классика и классицизм	298

III. Гиполепис — письменная культура	
и эволюция идей в Греции	302
1. Формы гиполептической организации дискурса ...	304
2. Гиполептический процесс как превращение	
авторитета и критики в особые институты	308
3. Есть ли у мышления история? История духа	
как гиполептический процесс	312
КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ — ПОПЫТКА	
ПОДВЕДЕНИЯ ИТОГОВ	317
Литература	327
Именной указатель	355

Алейде Ассман,
la miglior fabbra

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы мы переживаем повальное увлечение темой «Память и воспоминание». Ее победное шествие по умам Востока и Запада началось лет десять назад. Вряд ли это случайно. Скорее, мы пересекаем рубеж эпох, где высокий спрос на тему памяти объясним по меньшей мере тремя факторами. Во-первых, с появлением новых электронных средств внешнего хранения информации (а значит, и искусственной памяти) мы вступили в эпоху культурной революции, по значению не уступающей появлению книгопечатания и — ранее — письма. Во-вторых (и в связи с этим), на нашу собственную культурную традицию нередко смотрят теперь с позиции «посткультуры» (Джордж Стайнер), где нечто завершившееся — то, что Никлас Луман называет «старой Европой», — продолжает жить лишь как предмет воспоминания и комментирующей обработки. В-третьих, — и это, быть может, решающая причина — сейчас подходит к концу нечто, затрагивающее нас куда более личным и сущностным образом. Поколение очевидцев тяжелейших в анналах человеческой истории преступлений и катастроф сейчас постепенно уходит из жизни. Сорок лет — рубеж эпох в коллективном воспоминании: срок, по истечении которого живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения и насущной проблемой становятся формы культурной памяти о прошлом. Сколь отвлеченные и высокоученые формы ни принимают порой дискуссии о памяти и воспоминании,

о мемуаріа и о мнемотехнике, мне все же кажется, что экзистенциальная суть говоримого кроется именно здесь. По всем признакам похоже, что вокруг понятия воспоминания складывается новая парадигма наук о культуре, благодаря которой разнообразнейшие феномены и области культуры — искусство и литература, политика и общество, религия и право — предстают в новом контексте. Иначе говоря, здесь все течет, и частью этого течения является на свой лад и эта книга. Она не претендует на какую бы то ни было окончательность — свой смысл она видит лишь в том, чтобы намечать направления и выявлять связи.

Исходным пунктом данной работы послужили исследования, предпринятые вместе с Алейдой Ассман во время совместного годовичного пребывания в Берлинском научном коллегіуме (Wissenschaftskolleg zu Berlin) в 1984–1985 гг. Поэтому автор приносит особую благодарность этому учреждению. Он никогда бы не отважился выйти так далеко, как в предлагаемом опыте, за пределы своей узкой специальности, египтологии, если бы не возможности чтения, бесед и дискуссий по самым разнообразным направлениям, какие предоставляет коллегіум. Особой благодарностью автор обязан Христиану Майеру, Петеру Махинисту и Михелю Штрикману, участникам небольшого кружка, работавшего над проблемой сравнительной культурологии.

Вопрос о «культурной памяти» возник в ходе деятельности рабочей группы «Археология литературной коммуникации», отразившейся в сборниках «Письмо и память» (1983), «Канон и цензура» (1987), а также «Мудрость» (1991) и продолженной различными семинарами и лекционными циклами в Гейдельбергском университете. Из подготовки и итогов этих семинаров, а в особенности проведенного в январе 1985 г. в Берлинском научном коллегіуме второго семинара по теме «Канон и цензура», и возникла настоящая книга. Первая версия, запланированная вместе с Алейдой Ассман в качестве введения к соответствующему сборнику, была отброшена еще в Берлине, когда ее объем достиг 150 страниц и стало ясно, что узкие рамки введения не позволяют раскрыть тему надлежащим образом. Наша совместная работа над ней продолжалась, с

многократными перерывами, еще несколько лет, после чего мы сочли более целесообразным продолжить по отдельности одушевленные общим интересом, но разнонаправленные исследования. Алейда Ассман представит свою работу под названием «Пространства памяти. К конструированию культурного времени». Это исследование рассматривает формы и функции культурной памяти от античности до (пост-) модерна и может служить поэтому своего рода продолжением данной книги, сосредоточенной в основном на древних письменных культурах Ближнего Востока и Средиземноморья.

Свободный семестр, предоставленный мне в 1987–1988 гг., позволил разработать конкретные примеры, составившие содержание второй части. Подготовка лекционных циклов «Культура и память» (1986–1988, совместно с Тонио Хёльшером), «Культура и конфликт» (1988–1990) и «Революция и миф» (1990, совместно с Дитрихом Хартом), а также семинаров «Культура как жизненное пространство и как памятник» (1987–1991) и «Мнемозина» (1989–1991, совместно с Алейдой Ассман и Дитрихом Хартом) способствовала разработке первой, теоретической, части. Всем товарищам по работе эта книга обязана множеством идей и сведений. Доклады во Фрайбургском Специальном исследовательском секторе (SFB) «Устность и письменность», в Штуттгартском Центре теории культуры, во Фрайбургском коллeгиуме для специалистов «Обращения настоящего к прошлому в античности», в Эссенском институте культурологии (по большей части совместно с Алейдой Ассман) предоставили желанную возможность обсуждения основных положений. Но главную роль в том, что из этих ощупью продвигавшихся попыток получилась — может быть, все еще преждевременно — книга, сыграла в конечном счете ободряющая настойчивость Э.-П. Викенберга.

ВВЕДЕНИЕ

В Пятикнижии четырежды встречается требование наставлять детей о смысле обрядов и законов:

«Если спросит у тебя сын твой в последующее время: “К чему сии уставы, постановления и законы, которые дал вам Господь, Бог наш?”, то скажи сыну твоему: “Рабами были мы у фараона в Египте. Но Господь крепкою рукою вывел нас оттуда”» (Втор. 6. 20 сл.).

«И когда скажут вам дети ваши: “Что это за служение?”, скажите: “Это пасхальная жертва Господу, который прошел мимо домов сынов Израилевых в Египте, когда поражал египтян...”» (Исх. 12. 26 сл.).

«И когда после спросит тебя сын твой, говоря: “Что это?”, то скажи ему: “Рукою крепкою вывел нас Господь из Египта, из дома рабства”» (Исх. 13. 14 сл.).

«И объяви в день тот сыну твоему, говоря: “Это ради того, что Господь сделал со мною, когда я вышел из Египта...”» (Исх. 13. 8).

Перед нами — мини-драма, вращающаяся вокруг личных местоимений и исторического воспоминания. Сын говорит то «вы», то «мы» («наш Бог»), отец отвечает то «мы», то «я». Из нее вырастает в чинопоследовании еврейского пасхального Седера, представляющего из себя в целом обширное поучение детям об Исходе из Египта, мидраш о четырех сыновьях. Четыре вопроса (в том числе и невысказанный вопрос в 13.8) розданы четырем сыновьям: умному, дерзкому, простаку и малышу, который еще не в состоянии задать вопрос. Ум умного сына проявляется в развитой системе понятий («уставы, постановления и законы») и в том, что «вы» он дополняет словами «наш Бог». Отвечая ему, отец употребляет «мы», включая